

УДК 930 (476)+357.71

Э.Н. Северин*ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

В процессе развития политической теории и практики прав человека одним из этапов является интернационализация – этап оформления и международного признания теории прав человека и установления международных стандартов в данной области. В статье показывается, что в рамках современной политической теории для обоснования прав человека приводятся различные, частично исключаящие друг друга модели. При этом более поздние теории соответствуют предшествующим, теоретические конструкты исходят из политического опыта и наоборот. На основе этого они совершенствуются и как политические теории, и как теории права. По мнению автора, в рамках интернационализации прав человека в политической науке сформировались три основных подхода к пониманию феномена: нормативистский, ценностный и универсальный.

Введение

После Второй мировой войны изучение прав человека стало неотъемлемой частью не только права, но и политической науки. Во второй половине XX в. большинством как зарубежных, так и отечественных ученых и аналитиков признается тот факт, что любой политический анализ взаимоотношений человека и государства невозможен без учета всей совокупности проблем прав человека. «Более того, в последние годы международное сообщество возвело права человека на такой уровень важности в ООН, который раньше имели только вопросы мира, безопасности и развития. Одновременно никакая другая тема не является в настоящий момент настолько разделяющей для мирового сообщества, как права человека» [1, с. 3].

Принятие ООН основополагающих документов в области прав человека ознаменовало начало процесса интернационализации прав и свобод человека в политической теории и практике. Политический институт прав человека стал стандартом политики, свидетельствующим о реальном уровне реализации универсальных норм в конкретном государстве, регионе, мировом сообществе. Во второй половине XX в. создаются междисциплинарные центры по исследованию прав человека (Институт по изучению прав человека при Лондонской школе экономики и политических наук, Институт прав человека и гуманитарного права имени Рауля Валленберга, Страсбургский институт прав человека, Моргановский институт прав человека при муниципальном университете города Цинциннати, Львовская лаборатория прав человека и гражданина и др.). В 1994 г. на основе соглашения между ЮНЕСКО и Белорусским государственным университетом на базе кафедры международного права факультета международных отношений была создана кафедра ЮНЕСКО.

Несмотря на возросшую значимость сферы прав человека, положение в мире с их обеспечением остаётся сложным. «Уровень полного выполнения стандартов не достигнут до настоящего времени ни одной державой, несмотря на то, что для большинства из них разговор идёт о принятых на себя международных обязательствах. Кроме того, ещё существуют традиции, культуры, религии, идеологии, где темы прав человека приживаются тяжело» [2, с. 86]. Сформировавшиеся в XIX в. основные концептуальные подходы подверглись определённой модернизации как на региональном, так и на национальном уровнях. Исходя из вышесказанного, основные концепции прав человека можно разделить на классические (основанные на естественно-правовой концепции, универсальном, всеобщем, врождённом, неотчуждаемом характере прав человека и при-

оритете прав человека над интересами государства) и модернизированные (представляют собой различные варианты универсалистских, релятивистских, позитивистских и других подходов).

Классические концепции

В XX–XXI вв. одной из основных тенденций развития прав человека является глобальная универсализация. Методологической основой современной универсалистской концепции прав человека стала естественно-правовая теория в её либеральной трактовке. Данный подход закреплён в основных документах ООН: Всеобщей Декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и др. Универсализм предполагает возможность использования в мировом масштабе единой концепции прав человека, носящей всеобщий и универсальный характер.

Видным сторонником данного направления является профессор Колумбийского университета Л. Хенкин. Он подчёркивает веру во всемогущество прав человека, поднимая их почти к мифическим библейским высотам. Согласно ему, идее универсальности прав человека должно отводиться приоритетное место среди всех прочих идей. Американский учёный рассматривает права человека как связующее звено международной политики. В своей работе «Время прав» он отмечает: «Права человека – предмет многочисленных международных соглашений, ежедневное зерно для мельницы международной политики и основа для продолжающегося укрепления супердержав в тот же момент» [3, с. 138]. Хенкин отклоняет требования культурного релятивизма или многонационального подхода к созданию прав человека. Он обвиняет тех, кто защищает культурное и идеологическое разнообразие в создании свода прав человека исходя лишь из желания получить широкое и размытое определение прав человека. Учёный называет такой подход изначально обречённым на провал, так как он позволяет различным обществам трактовать тексты прав человека как им вздумается. Вместо этого он обращается ко Всеобщей декларации прав человека, которую он принимает как «Конституцию прав человека». По мнению приверженцев конституционализма, политическое общество должно быть основано на народном суверенитете; правительство государства должно быть конституционно обязано нести ответственность перед населением посредством различных процессов, таких как периодические выборы; правительство ограничено в его полномочиях через систему сдержек и противовесов, разделение полномочий; декларация отдельных гражданских и политических прав – обязательный аспект государства. Конституционалисты признают превосходство первого поколения прав человека, видят трудности непосредственной реализации экономических, социальных и культурных прав и предпочитают более взвешенный подход, который позволит принять во внимание культурные, исторические, религиозные и другие расхождения. По существу, они сочетают конституционное закрепление прав человека с философским и политическим анализом данной проблемы. Американский учёный Г. Штайнер констатирует: «Всё большее число государств берёт для себя в качестве необходимого минимума политические и гражданские права. Этот минимум никогда не должен быть меньше, чем необходимо для полноценного участия индивида в решениях по неограниченному кругу вопросов. Но этот минимум может быть существенно расширен» [4, с. 123].

Сторонником «широкой» концепции прав человека, которая включает в себя наряду с гражданскими и политическими правами экономические, социальные, культурные и коллективные права, является профессор Нью-Йоркского университета Ф. Алстон. «Содержательность цели прав человека возвышает её над “званиями” других конструирующих социальных целей, даёт ей определённый иммунитет от изменений и вообще придаёт ей ауру вечности, абсолютности и универсальности» [5, с. 33]. Алстон

во многом способствовал легализации прав второго и третьего поколений. Данный подход, базирующийся на логике структуры и содержания международных нормативно-правовых актов в области прав человека, поддерживают такие белорусские политологи, как Ю.И. Малевич, В.А. Мельник, В.А. Бажанов, С.И. Симановский и др. «Права человека – это комплекс социальных, культурных, политических и экономических свойств, без которых мы не можем существовать как человеческие существа», – подчёркивает профессор И.И. Котляр [6, с. 9].

Профессор Гарвардского университета С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» обосновывает цивилизационными различиями экономическое отставание одних цивилизаций и преобладание других. Учёный также указывает и на объективное несоответствие определённых цивилизаций такому политико-правовому феномену, как права человека, характерному в большей степени западному обществу и христианскому мировоззрению. Хантингтон определяет взаимосвязь восточно-христианской и западно-христианской цивилизаций; таким образом, он определяет возможность реализации «западных стандартов» прав человека в условиях восточно-христианской цивилизации. При этом учёный отрицает возможность воспроизведения подобной модели в рамках исламской и конфуцианской цивилизаций.

Другой не менее известный американский политолог Ф. Фукуяма опровергает такое мнение, утверждая, «что как в теории, так и на практике язык прав стал в современном мире единственным общим и широко понимаемым, который у нас есть для разговора о благах и целях, которые составляют предмет политики» [7, с. 155]. Учёный призывает вернуться к естественно-правовому источнику прав человека, выступая с жёсткой критикой теологического и позитивистского подходов. «Моя точка зрения состоит в том, что привычное понимание натуралистического заблуждения само по себе есть заблуждение, и потому философии отчаянно необходимо вернуться к докантианской традиции, которая корни морали видит в природе», – утверждает Фукуяма [7, с. 157]. Мыслитель исходит из того, что невозможно достичь политического консенсуса в вопросах, в которых замешана религия, нет и не может быть позитивного права, которое при этом будет ещё и всеобщим, т.е. не может быть одинакового восприятия прав человека представителями различных политических сообществ и цивилизаций.

Многообразие культур не исключает, а предполагает универсальность прав человека как «общечеловеческой ценности». За последнее столетие проблема прав человека превратилась в краеугольный камень мировой политики, меж- и внутригосударственных отношений. «Из простейшего права на выживание в вооружённых конфликтах права человека за этот период трансформировались в целую многоуровневую систему, признанную мировым сообществом. Однако ничто в нашем мире не бывает статичным, и универсальная (как казалось, совершенная) концепция прав человека ООН перестала отвечать требованиям, к ней предъявляемым» [8, с. 363].

Белорусский учёный профессор Ю.И. Малевич в своих работах обосновывает значимость интерцивилизационного (межцивилизационного, взаимокультурного) подхода для успешной реализации концепции универсализма прав человека в процессе глобализации мировой политики. «Важнейшим элементом интерцивилизационного и информационного подходов является поиск методов адекватного осмысления достижений местных культур, религий и этик с целью идентификации возможных общих основ прав человека» [9, с. 25]. Интерцивилизационный подход предполагает сбалансированное сочетание ценностей мировых цивилизаций для формирования основ современной концепции прав человека. По мнению учёного, «без интерцивилизационного подхода человечество может оказаться на пороге непоправимых глобальных ошибок в формировании концепции прав человека нового века» [10].

Модернизированные концепции

Двуполярность мира, возникшая после Второй мировой войны, породила две доктрины прав человека: западную и советскую. В основе советской концепции прав человека лежала марксистско-ленинская идеология. В отличие от западных общественных наук марксизм-ленинизм подчёркивает, что «главные условия свободы заключаются в её экономических, социальных и культурных гарантиях» [11, с. 99]. Таким образом, советская концепция прав человека базируется на следующих постулатах:

- 1) методологическая и идеологическая основа – марксизм-ленинизм;
- 2) пролетарская солидарность;
- 3) приоритет экономических и социальных прав над гражданскими и политическими;
- 4) диалектическая взаимосвязь прав и обязанностей;
- 5) приоритет коллективного над индивидуальным (права индивида могут быть реализованы только через благополучие и защиту коллективного субъекта).

Позиция СССР на мировой арене по вопросу закрепления второго и третьего поколения прав человека способствовала их международному признанию и на сегодняшний день оказывает определяющее влияние на формирование незападных региональных и национальных доктрин прав человека.

Права человека стали важной частью теории профессора Гарвардского университета Дж. Роулза. Главным для его теории справедливости являлись принципы, структурирующие общество на основе справедливости и социального сотрудничества. В списке основополагающих политических ценностей Роулза – равенство, личная свобода, свобода мысли, свобода слова, свобода совести. «Справедливость как честность даёт ...сильные аргументы в пользу равной свободы совести. Я полагаю, что эти аргументы могут быть соответствующим образом обобщены для поддержки принципа равной свободы», – утверждает американский учёный [12, с. 53]. Политическую справедливость Роулз синонимизирует с понятием «справедливость конституции», а принцип равной свободы в применении к политическому процессу с принципом равного участия. В связи с этими доводами все граждане должны иметь равную возможность участвовать в конституционном процессе, т.е. в принятии законов, которым они в последующем должны подчиниться. «Сторонники теории Роулза продолжают развивать её положения, пытаясь доказать не только то, что свобода в принципе совместима с достаточно высокой степенью социального равенства, но и то, что она настоятельно требует его» [13, с. 60].

Концепция другого знаменитого профессора Гарварда Р. Нозика, отправной точкой которой была критика теории справедливости Роулза, основана на столь радикальном понимании прав человека в политической теории, что государству и его институтам там отводилась лишь та роль, которую им оставляют индивиды. Государство в этой доктрине было институтом с постоянно уменьшающимися полномочиями, которые сужались с расширением прав и свобод граждан. «Минимальное государство, – утверждает Р. Нозик, – обращается с нами как с неприкосновенными индивидами, которых другие люди не могут использовать в качестве инструмента, средства или ресурса; оно обращается с нами с почтением, которого мы заслуживаем как обладатели индивидуальных прав» [14, с. 406].

Профессор университета Нью-Йорка Р. Дворкин выступает с идеей примирения теорий Дж. Роулза и Р. Нозика. Он рассматривает права человека как инструмент борьбы индивидов с государством. Индивидуальные права, по мнению учёного, происходят из представлений о человеческом достоинстве или равенстве, находящихся в самом «ядре» общей для данного сообщества концепции справедливости. «Они оставляют каждому право на независимое моральное суждение, но сами опираются на политиче-

ские принципы, относящиеся ко всем. Конституционные права образуются на пересечении морального и юридического права, они состоят из моральных принципов, получивших статус юридических форм» [15, с. 67]. Индивидуальные права не являются результатом международного или национального нормотворчества, они имеют естественное происхождение. «Тезис о правах, – отмечает учёный, – имеет два аспекта. Дескриптивный аспект позволяет объяснить существующую структуру института судопроизводства. Нормативный аспект позволяет дать политическое обоснование данной структуры» [16, с. 174].

Модернизированные теории Дж. Р. Роулза и Р. Дворкина возродили либеральную доктрину прав и свобод, которая базируется на политических основаниях универсального принципа существования прав человека.

Вместе с тем следует отметить, что концепция универсальности прав человека не учитывает исторических, религиозных, культурных и региональных особенностей а потому не совсем органична для других культур и цивилизаций. В этой связи в противовес универсальной концепции сформировалась концепция культурного релятивизма, суть которой заключается в том, что человеческие ценности носят далеко не всеобщий характер и существенно варьируются в зависимости от различных культурных перспектив, т.е. права человека являются скорее относительными, чем всеобщими. Попытку разрешения отмеченной проблемы делают представители культурного релятивизма. У каждой культуры, полагают они, есть свое видение природы и жизни, своё мировоззрение и мироощущение. Релятивизм рассматривает человека как часть сообщества, которое видится им в качестве основной и приоритетной социальной единицы. «Человек как представитель того или иного сообщества не может объективно оценить систему моральных ценностей другого сообщества, поскольку его понимание существующей действительности как в материальных, так и в нематериальных формах сформировано культурой его местопребывания настолько, что она не в состоянии “чисто” воспринимать другие моральные ценности», – отмечает профессор Гарвардского университета М. Миноу [17]. Концепции индивидуализма, свободы выбора и равенства отсутствуют в релятивизме. Вместе с тем не только международные, но и региональные нормативно-правовые акты в области прав человека преимущественно исходят из принципа универсальности прав человека. Подтверждения этому можно обнаружить, например, в Преамбуле Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., Преамбуле Американской конвенции по правам человека 1969 г., пункте 2 ст. 4 Арабской хартии прав человека 2008 г. и др. Таким образом, главным тезисом культурного релятивизма является отрицание существования универсальных стандартов прав человека, которые могли бы быть эффективным критерием, определяющим внутреннюю политику каждого государства.

В русле политического реализма может быть рассмотрен подход, разработанный профессором Принстонского университета Ч. Бейцем. Учёный отмечает, что к правам человека нужно относиться серьёзно, как к фактически существующим особенностям международной политики. При таком подходе права человека – это уникальные нормативные особенности международной политической практики. Бейц выдвигает двухуровневую модель природы прав человека относительно их значения. На первом уровне защита прав человека возлагается на государство, тогда как на втором уровне права человека входят в компетенцию международного сообщества, межправительственных организаций. Подобной позиции придерживается и профессор Колумбийского университета М. Дойль. Данный подход, по мнению учёного, «позволит избежать размытости в применении прав человека как политической практики» [17].

Американский учёный Дж. Винсент считает, что права человека могут быть объектом внешней политики государства, но решением возникающих проблем в этой облас-

ти должны заниматься профессиональные дипломаты. Однако он полагает, что «основное влияние прав человека на систему государств состоит не в доктрине гуманитарной интервенции, а в постепенном распространении глобальной космополитической культуры» [18, с. 24]. Винсент отмечает, что может существовать только одно безусловное основание для гуманитарной интервенции – массовый голод в стране. Будущая глобальная культура должна быть основана на консенсусе между различными цивилизациями. Сторонники политического реализма не отрицают моральную сторону политических решений, однако пересматривают их в сторону приоритетности безопасности государства.

Наряду с возможными трансформациями прав человека на пути к устойчивому развитию возникает своего рода «расширение» прав человека на все существа, обитающие на Земле. В рамках данной проблемы возникают концепции прав «будущих поколений». Наибольший интерес представляет концепция, разработанная профессором университета Коннектикута Р. Хаскесом. Он представляет теоретическое обоснование для правосудия через поколение, утверждая, что экологические права, гражданство, идентичность могут обеспечить необходимую взаимность с теорией правосудия. Учёный считает, что права человека являются средством защиты человека от существенного вреда. Содействие обеспечению экологических прав будущих поколений увеличивает и добавляет силу тем же самым правам, распространяемым на нынешнее поколение. По мнению Хаскеса, содействовать разрешению данной проблемы может только демократическая политика, которая накладывает на всех «членов сообщества демократических государств обязанность рассмотреть благополучие их гражданских приемников» [19, с. 91].

Белорусский политолог Н.Н. Белякович убеждён: «Существующие концепции прав человека не коррелируют с реальностью. Все эти обстоятельства диктуют необходимость создания новой концепции прав и свобод человека, адекватно отражающей его сущность как биосоциального и активно действующего существа. Вне рассмотрения природно-биологических основ индивида, его объектно-субъектных отношений невозможно понять ни самого человека, ни общество, а тем более правильно определить перспективы их развития... Но самое главное – двигаясь в таком направлении, представляется возможным выработать научно обоснованную универсальную модель правовой и социальной защиты человека, живущего в различных политических, социально-экономических и духовно-идеологических условиях» [20, с. 97].

Заключение

Нам представляется, что в рамках интернационализации прав человека в политической науке сформировались три основных подхода к пониманию феномена: нормативистский, ценностный и универсальный.

Нормативистский подход является отражением позитивистской и социалистической концепций и опирается на политико-правовые нормы и политические отношения по признанию и защите прав человека. Реальные политико-правовые нормы и отношения, касающиеся прав человека, и образуют объект прав человека.

Ценностный подход, опираясь на естественную и теологическую концепции, определяет права человека как ценность. Основной упор делается на критерии ценности этих прав, и, следовательно, объектом прав человека должны служить эти ценности. Но пока ещё эти ценности до конца не определены в теории, а в нормативных актах – относительны.

Универсальный подход к пониманию прав человека устанавливает, что права человека являются универсальным явлением, т.е. в него входят политические, экономиче-

ские, правовые, социальные, культурные и иные факторы, оказывающие влияние на содержание прав человека.

Существующие концепции и подходы к пониманию прав человека заложили основу для современного понимания и восприятия прав человека. Эти концепции, на наш взгляд, сформировали три основных аспекта, на которых базируется современное понимание прав человека:

- 1) каждая власть имеет свои ограничительные рамки;
- 2) у каждого человека есть своя автономная сфера, в которую никакая сила не может вторгнуться;
- 3) каждый человек наделён средствами и механизмами действий против государства с целью защиты своих прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наиболее резонансные случаи нарушения прав человека в отдельных странах мира: 2013 доклад МИД / М-во иностр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 67 с.
2. Дзянісаў, М. Далучэнне да свабоды / М. Дзянісаў, Л. Землякоў // Беларус. думка. – 1992. – № 2. – С. 85–88.
3. Henkin, L. The age of rights / L. Henkin. – New York : Columbia Univer. Press, 1990. – 220 p.
4. Steiner, H. J. Political participation as a human right / H. J. Steiner // Harvard Human Rights Y.B. – 1988. – Vol. 1. – P. 77–134.
5. Alston, P. Making space for new human rights: the case of the right to development / P. Alston // Harvard Human Rights Y.B. – 1988. – Vol. 1. – P. 3–40.
6. Котляр, И. И. Права человека и высшая школа: концептуальные основы преподавания, изучения и воспитания, управленческие решения / И. И. Котляр. – Минск : Тесей, 2007. – 230 с.
7. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
8. Малевич, Ю. И. Права человека в мировой политике (вторая половина XX века) / Ю. И. Малевич ; под ред. В. И. Семенкова. – Минск : Технопринт, 2001. – 256 с.
9. Малевич, Ю. И. Социальная концепция РПЦ и современные права человека / Ю. И. Малевич // Беларусь: государство, религия, общество : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск – Жировичи, 7 июня 2007 г. / НАН Беларуси, Ин-т истории, Минск. духов. акад. ; редкол.: прот. В. Антоник [и др.]. – Минск, 2008. – С. 362–365.
10. Малевич, Ю. И. Незападная концепция прав человека [Электронный ресурс] / Ю. И. Малевич. – Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/251/49/>. – Дата доступа: 25.08.2015.
11. Благож, Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах / Й. Благож ; предисл. и под общ. ред. В. А. Туманова. – М. : Юрид. лит., 1985. – 222 с.
12. Роулз, Д. Теория справедливости / Д. Роулз ; пер. с англ., науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
13. Мельник, В. А. Права человека, гражданское общество и правовое государство / В. А. Мельник // Беларус. думка. – 2013. – № 3. – С. 56–61.
14. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия ; пер. с англ. / Р. Нозик ; под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. – М. : Ин-т распространения информ. по соц. и экон. наукам, 2008. – 424 с.
15. Игнаткин, О. Б. Концепция «индивидуальных прав» в политической философии Рональда Дворкина [Электронный ресурс] / О. Б. Игнаткин // Юриспруденция. –

2006. – № 8. – Режим доступа: http://pravorggu.ru/2006_8/ignatkin_2.shtml. – Дата доступа: 25.08.2015.

16. Дворкин, Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – М. : Росспэн, 2004. – 392 с.

17. Human rights and the new global order : an interdisciplinary conference, 8–10 May 2008 [Electronic resource] / J. F. Kennedy School of Government ; Harvard Univ. – Mode of access: <http://www.hks.harvard.edu//Conferences/ConferenceReport2008.pdf/>. – Date of access: 25.08.2015.

18. Vincent, R. J. Human rights and international relations / R. J. Vincent. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1988. – VIII, 186 p.

19. Hiskes, R. P. The human right to a green future: environmental rights and intergenerational justice / R. P. Hiskes. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. – 182 p.

20. Белякович, Н. Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н. Н. Белякович. – Минск : Амалфея, 2009. – 412 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Severin E.N. Internationalization of Human Rights in Political Science

Internationalization is one of the stages in the development of political theory and practice of human rights. It is a stage of setting up and international recognition of human rights theory and establishment of international standards in this sphere. The article declares that within modern political theory different and partly mutually exclusive models are used to justify human rights. Wherein, recent theories correspond to the previous ones, theoretical constructs are based on the political experience and vice versa. As a result they are improving both as political theories and as law theories. According to the author, in political science there are three main approaches to understanding the phenomenon of human rights internationalization: normative, evaluative and universal.